

A marble statue of David by Michelangelo, shown from the waist up. David is looking upwards and to the right, with his right hand near his face. The statue is set against a background of a rough stone wall. The lighting is bright, casting shadows on the wall and the statue's body.

СТЕНДАЛЬ

ЖИЗНЬ
МИКЕЛАНДЖЕЛО

ИСТОРИЯ ЖИВОПИСИ В ИТАЛИИ

Стендаль (Мари-Анри Бейль)

Жизнь Микеланджело

Серия «История живописи в Италии»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8611442
Жизнь Микеланджело. Из книги «История живописи в
Италии» / Стендаль: ОЛМА Медиа Групп; Москва; 2014
ISBN 978-5-373-01632-2*

Аннотация

Французский писатель Стендаль (настоящее имя – Анри Бейль), автор изоощренных психологических романов «Красное и черное» и «Пармская обитель», имел еще одну «профессию» – ценителя искусств. Его тонкий аналитический ум, действие которого так ясно ощущается в его романах, получил богатую пищу, когда писатель, бродя по музеям и церквям Италии – страны, которой он глубоко восхищался, – решил как следует изучить живопись. Для этого в 1811 г. он приступил к чтению различных искусствоведческих трактатов, но быстро заскучал: они показались ему сухими и вялыми, недостойными великих произведений, о которых были написаны. И тогда Стендаль взял дело в свои руки. Так появился его двухтомный труд «История живописи в Италии», опубликованный в 1817 г.

Содержание

К читателю	6
Первые годы	9
Он созерцает античные произведения	15
Исключительные обстоятельства, благоприятствовавшие образованию	19
Микеланджело	
Превратности монархии	34
Путешествие в Венецию и задержание в Болонье	38
Хотел ли он подражать древним?	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Стендаль

Жизнь Микеланджело

Из книги «История живописи в Италии»

...E quel che al par sculpe, e colora Michel piu` che mortal, Angiol divino¹
Ariosto, c. XXXIII

¹ ...и ты, Микель – Ангел, а не смертный, резцом и кистью. Ариосто, «Неистовый Роланд», песнь XXXIII (пер. М. Л. Гаспарова). – Прим. ред.

К читателю

Французский писатель Стендаль (настоящее имя – Анри Бейль), автор изощренных психологических романов «Красное и черное» и «Пармская обитель», имел еще одну «профессию» – ценителя искусств. Его тонкий аналитический ум, действие которого так ясно ощущается в его романах, получил богатую пищу, когда писатель, бродя по музеям и церквям Италии – страны, которой он глубоко восхищался, – решил как следует изучить живопись. Для этого в 1811 г. он приступил к чтению различных искусствоведческих трактатов, но быстро заскучал: они показались ему сухими и вялыми, недостойными великих произведений, о которых были написаны. И тогда Стендаль взял дело в свои руки. Так появился его двухтомный труд «История живописи в Италии», опубликованный в 1817 г.

Вышла книга без указания имени автора – Стендаль подписался аббревиатурой М.В.А.А., которая расшифровывается так: «Monsieur Beyle ancien auditeur», то есть «Господин Бейль, бывший аудитор» (эту должность Стендаль занимал, состоя на государственной службе). Так автор как бы провел черту, разделяющую две стороны его «я»: Стендаль был романистом, а господин Бейль – эрудитом и любителем искусства.

Это не единственный случай игры с именами в этой кни-

ге: при чтении мы встречаем в тексте отрывки из дневника некоего сэра У. Э. и примечания, подписанные инициалами Р. и Ш. Сэр У. Э. – чистая мистификация: его никогда не существовало. Это еще одно авторское «альтер эго», чьи мнения как бы более непосредственны и легкомысленны, чем мысли самого господина Бейля. Вообще, Стендаль то и дело совершает отступления от анализа того или иного произведения и пускается в длинные рассуждения, казалось бы, не имеющие прямого отношения к теме, но крайне самобытные и парадоксальные. Его примечания разрастаются в целые страницы, а порой и противоречат основному тексту. Этот полифонизм, наложение друг на друга разных голосов, дополняющих и взаимно обогащающих друг друга, был вызван как внутренними потребностями текста (все-таки Стендаль был в первую очередь великим писателем), так и внешними факторами. Дело в том, что к моменту выхода книги всего два года прошло с Венского конгресса и реставрации монархии во Франции после поражения императора Наполеона в войне с Россией и ее союзниками. Но в стране еще были очень сильны симпатии к свергнутому императору, отправленному умирать на остров Св. Елены, да и сам Стендаль был наполеонистом. Сегодня мы уже слабо улавливаем в «Истории живописи в Италии» отдельные нюансы, которые об этом свидетельствуют, но для современников все эти намеки были совершенно прозрачны. Сам дух книги шел вразрез с духом эпохи. Поэтому среди примечаний, которы-

ми Стендаль снабдил текст, есть и такие, которые, с одной стороны, должны были обезопасить автора от преследований правительства, а с другой, вступая в явное противоречие с контекстом, казались бы внимательному читателю насмешкой: это всякого рода комплименты правительству и рассуждения о том, как счастливы должны быть французы. Такого рода примечания автор иронически приписал неким Р. и Ш. Это инициалы двух журналистов, Риу и Шевалье, которые стали жертвами монархического террора.

Наконец, предостерегаем читателя от того, чтобы верить на слово Стендалю в тех случаях, когда он ссылается на личные впечатления от того или иного произведения, – далеко не всегда он сам созерцал их в реальности. Эта книга – не академический трактат по искусствоведению, но произведение писателя, который и под маской ученого эрудита оставался прежде всего великим прозаиком.

Седьмую книгу «Истории живописи в Италии» Стендаль посвятил жизни и творчеству Микеланджело Буонарроти.

Первые годы

Микеланджело Буонарроти родился в окрестностях Флоренции. Его семья, чье настоящее родовое имя – Симони-Канносса, получила известность в Средние века благодаря брачному союзу с прославленной графиней Матильдой.

Он появился на свет 6 марта 1474 года, в понедельник, за четыре часа до рассвета.

Поистине примечательное явление на свет, замечает его биограф, ясно показывающее, что однажды он станет великим человеком! Меркурий в сопровождении Венеры под влиянием благосклонно расположенного Юпитера – чего только не обещает столь блестяще избранный судьбой момент.

То ли его отец, пожилой дворянин старой закалки, разделял эти идеи, то ли он просто хотел дать ему образование, достойное его происхождения, – так или иначе, он рано отправил сына к известному в те времена во Флоренции грамматiku Франческо да Урбино. Но все мгновения, которые ребенок только мог украсть у грамматики, он посвящал рисованию. Случай послал ему друга-ровесника по фамилии Граначчи, который был учеником художника Доменико Гирландайо. Микеланджело завидовал счастью Граначчи, который порой тайно водил его в мастерскую своего учителя и одалживал ему рисунки.

Эта помощь воспламенила зарождающиеся склонности Микеланджело, и в порыве энтузиазма он сообщил родным, что совсем бросает грамматику.

Его отец и дядя сочли, что это позорит их честь, и сурово упрекали его; иными словами, часто, когда он возвращался домой с рисунками под мышкой, они его беспощадно били. Но он уже тогда обладал тем непреклонным характером, который столько проявлялся впоследствии. Все более раздражавшийся от домашней травли и никогда как следует не обучавшийся рисованию, он захотел попробовать писать красками. Все тот же Граначчи снабдил его кисточками и гравюрой Мартина Голландца. На ней были изображены бесы, которые, чтобы заставить святого Антония поддаться искушению, били его палками (я видел эту гравюру Мартина Шёна в коллекции Корсини в Риме). Микеланджело требовалось изобразить рядом со святым отвратительные фигуры демонов, но он не нарисовал ни одной до тех пор, пока вживую не увидел все те детали, из которых потом их составил. Каждый день он ходил на рыбный рынок рассматривать формы и цвета рыбьих плавников, глаз, зубастых ртов, которые он хотел изобразить на картине. Он покупал самых безобразных рыб и приносил их в мастерскую. Говорят, что Гирландайо ревновал к этому пытливному уму, и, когда картина была готова, он всем говорил себе в утешение, что это полотно вышло из его мастерской. Он имел на это основания: старый дворянин был беден и отдал сына к Гирландайо в качестве

подмастерья. Контракт, заключенный на три года, был примечателен тем, что против обычая учитель обязался выплачивать ученику двадцать четыре флорина².

Шестьдесят лет спустя Вазари, будучи в Риме, принес старому Микеланджело один из рисунков, сделанных им в мастерской Гирландайо. На выполненном пером эскизе, законченном по рисунку учителя каким-то из его товарищей, он имел дерзость придать телу новое положение. Это воспоминание юности развеселило великого художника, и он воскликнул, что хорошо помнит эту фигуру и что в детстве он

² Существует следующая заметка, написанная рукой старого Буонарроти в книге Доменико Гирландайо: «1488. Ricordo questo d ` primo d'Aprile, come io Lodovico d ` Lionardo di Bonarrota acconcio Michelagnolo mio figliuolo con Domenico e David di Tommaso di Currado per anni tre prossimi avvenire con questi patti e modi, che il detto Michelagnolo debba stare con i sopraddetti detto tempo a imparare a dipignere a fare detto essercizio e cio` i sopraddetti gli comanderanno, e detti Domenico e David gli debbon dare in questi tre anni fiorini ventiquattro di suggello: in primo anno fiorini sei, il secondo anno fiorini otto, il terzo fiorini dieci, in tutta la somma di lire 96». И ниже: «Hanne avuto il sopraddetto Michelagnolo questo di 16 d'Aprile fiorini dua d'oro, ebbi io Lodovico di Lionardo suo padre da lui contanti lire 12» (Вазари, X, 26). То есть: «1488. Сего первого апреля я, Лодовико ди Леонардо ди Буонарроти, удостоверяю, что отдаю своего сына Микеланджело Доменико и Давиде ди Томмазо ди Куррадо на ближайшие три года с тем условием и уговором, что означенный Микеланджело обязуется находиться все это время у вышеуказанных лиц, обучаясь рисованию и упражняясь в этом ремесле и во всем, что вышеуказанные лица ему поручат, и что Доменико и Давиде обязуются уплатить ему в течение трех лет двадцать четыре флорина: в первый год шесть флоринов, во второй год восемь флоринов, в третий – десять флоринов, всего 96 лир». «Сего 16 апреля вышеназванным Микеланджело получено два золотых флорина золотом, получено мною, Лодовико ди Леонардо, его отцом, за его счет 12 лир».

знал больше, чем теперь, в старости.

Раффаэлло Романелли. Мальчик Микеланджело высекает голову фавна. 1907 г.

Филиппино Липпи. Панорама Флоренции. Фрагмент картины «Благовещение со св. Иосифом и св. Иоанном Крестителем». Ок. 1485 г. Национальная галерея Каподимонте. Неаполь.

Он созерцает античные произведения

Один художник, тронутый рвением Микеланджело и препятствиями, которые он преодолевал, дает ему срисовать какую-то голову. Микеланджело делает копию и возвращает ее владельцу вместо оригинала, тот же замечает подмену лишь потому, что мальчик смеялся с одним из своих товарищей над его ошибкой. Эта история наделала много шума во Флоренции, и все хотели увидеть эти столь похожие картины, а были они совершенно одинаковыми, потому что Микеланджело немного подкоптил свою работу, чтобы придать ей вид старины. Он часто пользовался этой хитростью, чтобы завладеть подлинниками. И вот он уже прошел первый этап долгого пути молодого художника: он научился копировать.

Он был не очень прилежен у Гирландайо. Его родовитые родители осуждали его, дома он слыл неусидчивым повесой и все чаще скитался по Флоренции, не принадлежа ни к одной мастерской, ничему как следует не учась, оставаясь повсюду, где только увидит художников. Однажды Граначчи привел его в сады Сан-Марко, где расставляли античные статуи, которые с большими усилиями собрал Лоренцо Великолепный. Казалось, с первой секунды эти бессмертные произведения поразили Микеланджело. Отвраще-

тившись от холодного и мелочного стиля, он больше не появлялся ни у Гирландайо, ни у других художников, а все свое время проводил в садах.

Он задумал скопировать голову фавна с веселым выражением лица. Трудность заключалась лишь в том, чтобы раздобыть мрамор. Рабочие, которые изо дня в день видели рядом этого юношу, подарили ему кусок мрамора и одолжили резец. Это был первый резец, который он держал в руках. Спустя несколько дней голова была готова: поскольку у античной скульптуры отсутствовала нижняя часть лица, он дополнил ее, изобразив своего фавна с широко распахнутым ртом, как у человека, который покатывается со смеху.

Лоренцо Медичи, прогуливаясь по саду, застал Микеланджело за полировкой этой головы (она находится теперь в галерее во Флоренции) и был поражен его творением, а еще больше юностью художника: «Ты пожелал изобразить этого фавна стариком, — сказал он, смеясь, — но при этом оставил ему все зубы. Разве тебе не известно, что в этом возрасте всегда недосчитываются нескольких зубов?» Едва дождавшись, когда повелитель уйдет, Микеланджело старательно убрал у своего фавна один зуб и стал ждать следующего дня. Лоренцо долго смеялся над рвением молодого человека, и, верный себе в стремлении покровительствовать всему, что незаурядно, он сказал ему, уходя: «Непременно передай своему отцу, что я хочу поговорить с ним».

Д. Гирландайо. Изгнание Иоакима из Храма. Фрагмент росписи капеллы Торнабуони в церкви Санта-Мария-Новелла, Флоренция. Портрет семьи Гирландайо – Давида, Доменико, их отца Томмазо (между ними) и шурина Бастияно Майнарди (справа).

Исключительные обстоятельства, благоприятствовавшие образованию Микеланджело

Стоило невероятных усилий уговорить старого дворянина: он клялся, что не переживет, если его сын станет каменотесом. Тщетно друзья семьи пытались донести до него разницу между скульптором и каменщиком. Однако, представ перед герцогом, он побоялся не отдать ему сына. Лоренцо предложил и ему самому подыскать какое-нибудь подходящее место. В тот же день он выделил Микеланджело комнату в своем дворце (1489 г.), стал обращаться с ним, как со своими сыновьями, и принял его за своим столом, где ежедневно собирались самые знатные итальянские вельможи и первые умы той эпохи. Микеланджело было тогда 15 или 16 лет; вы можете представить себе эффект, произведенный подобным обращением на возвышенную душу.

Медичи часто вызывал к себе юного скульптора, чтобы порадоваться его энтузиазму и показать ему геммы, медали и всякие другие древности, которые он коллекционировал.

Со своей стороны Микеланджело каждый день преподносил ему какое-нибудь новое произведение. Полициано, в котором вся ученость того времени не смогла полностью задушить человека выдающегося, также был гостем герцога.

Ему нравился смелый гений Микеланджело, он беспрестанно подталкивал его к работе и всегда умел предложить ему какое-нибудь новое предприятие.

Однажды он сказал ему, что похищение Деяниры и битва кентавров составили бы хороший сюжет для барельефа, и, доказывая свою правоту, в подробнейших деталях рассказал ему эту историю. На следующий день юноша показал Полициано набросок. Этот прямоугольный барельеф, фигуры которого размером приближаются к одной пяди (223 мм), находится в доме Буонарроти во Флоренции. Не знаю, почему Вазари называет его «Битвой кентавров»: это обнаженные люди, мечущие друг в друга камни и наносящие удары палицами, и мы видим лишь половину конского туловища, едва ли законченную. Тела смешались в кучу, пойманные в очень странных и сложных позах, но каждая фигура наделена яркой выразительностью. Здесь есть дивные находки гения: например, человек, которого мы видим со спины и который тащит другого за волосы, или персонаж, обращенный к нам лицом и наносящий удар палицей. Впрочем, есть и некоторые неточности. Позже Микеланджело говорил, что каждый раз, когда он вновь смотрел на эту работу, он испытывал смертельное сожаление, что не предался скульптуре целиком. Он намекал на те очень значительные промежутки времени, порой в 10–12 лет, которые он проводил без работы, – печальное следствие отношений с правителями. Лоренцо имел обыкновение назначать небольшое жалованье всем

художникам и давать значительные награды тем, кто выделялся из общего ряда. Жалованье Микеланджело составляло пять дукатов в месяц, которые герцог рекомендовал ему отдавать отцу; а ему самому, поскольку художник был еще ребенком, Лоренцо подарил красивый фиолетовый плащ.

Старик Буонарроти, осмелев от расположения Медичи, однажды явился к нему и сказал: «Лоренцо, я умею только писать и читать, а на таможне есть вакантная должность, которую можно доверить лишь гражданину; я прошу вас о ней, поскольку считаю, что с честью смогу занимать ее». «Вы всегда будете бедны, – с усмешкой сказал Медичи, который ожидал услышать совершенно иную просьбу. – Тем не менее, если вы желаете получить это место, что ж, оно ваше до тех пор, пока мы не подберем что-нибудь получше». Это место приносило по сотне скудо в год.

Микеланджело потратил несколько месяцев на роспись капеллы Мазаччо в церкви дель Кармине. Там, как и везде, он показал свое превосходство, за что, естественно, был награжден всеобщей ненавистью. Торриджани, один из его товарищей, так ударил его кулаком, что сломал ему нос, и эта травма усилила напряженность его лица, которая отличает Микеланджело, как и маршала Тюренна. Божья десница покарала завистника: он уехал в Испанию, где был слегка поджарен святой инквизицией³.

³ «Ora torniamo a Piero Torrigiani che con quell mio disegno in mano disse così: „Questo Buonarroti ed io andavamo a imparare da fanciulletti nella chiesa del Carmine

Тем временем Микеланджело участвовал в благородных забавах самого утонченного общества, какое только собиралось со времен Августа. Друзья Лоренцо один за другим приезжали погостить в его загородных дворцах, которые он любил возводить меж прекрасными холмами, давшими Флоренции имя города цветов. Восхитительные сады Кареджи были свидетелями того, как философские дискуссии облекались флером изящного воображения и философия вновь обретала тот чарующий стиль, которым Платон некогда наделил ее в Афинах. Иногда все общество отправлялось провести самые жаркие месяцы в чудесной долине Ашано, где, как казалось Полициано, природа стремится подражать усилиям искусства, иногда же ездили понаблюдать за завершением виллы Кайано, которую Лоренцо строил по собственному

dalla cappella di Masaccio; e poi il Buonarroti aveva per usanza di uccellare tutti quelli che disegnavano. Un giorno infra gli altri dandomi noja il ditto, mi venne assai pi stizza del solito; e stretto la mano gli detti sì gran pugno nel naso ch'io mi seniti fiaccare sotto il pugno quell'osso e tenerume del naso come se fosse stato un cialdone; e così segnato da me ne resterà infin che vive“. Queste parole generarono in me tanto odio, perchè vedevo i fatti del divino Michelagnolo, che non tanto che a me venisse voglia di andarmene seco in Inghilterra, ma non potevo patire di vederlo» (Челлини, 1518 г., I, 31–32). То есть: «Теперь вернемся к Пьеро Торриджани, который, держа мой рисунок, сказал: „Этот Буонарроти и я детьми работали в церкви дель Кармине, в капелле Мазаччо; и Буонарроти имел обыкновение насмехаться над всеми, кто там рисовал. Однажды, когда он мне надоедал, я разозлился больше, чем прежде; я сжал руку в кулак и ударил его по носу с такой силой, что почувствовал, как под моим кулаком кость и хрящ треснули, как сухое печенье; он останется помеченным мною до конца своих дней“. Поскольку я видел произведения божественного Микеланджело, эти слова породили во мне такую ненависть, что, несмотря на мое желание отправиться с ним в Англию, я не мог его больше видеть».

проекту и которая получила от Полициано поэтическое название Амбра. Среди роскоши и утонченных наслаждений, собранных в доме этого богатейшего человека на Земле, сам он постоянно был озабочен лишь тем, чтобы заставить своих друзей забыть, что он здесь хозяин.

Унаследовав от своих предков склонность покровительствовать искусствам, он всей душой чувствовал прекрасное во всех его проявлениях и делал по велению сердца то, что его предки делали из соображений политических.

Уступая Козимо лишь в умении торговать, он превосходил его, как и прочих Медичи, в качествах, необходимых правителю, и потомство поступило несправедливо по отношению к самому выдающемуся человеку, избрав ничтожнейшее из его свойств, когда дало ему прозвище Великолепный.

Восхищение Античностью могло выродиться, как мы это видим в наши дни, в косное и тупое преклонение. Но тонкая и страстная восприимчивость Лоренцо, его остроты, вызывавшиеся малейшим проявлением смешного в людях, и традиционная для его бесед ирония совершенно устраняли этот недостаток глупцов.

Его стихи разоблачают в нем способную к страстной любви душу, которая любила Бога, как любовницу, – сочетание, вкладываемое природой лишь в те души, которые она предназначает для величайших гениев. У него была привычка говорить: «Кто не верит в жизнь иную, мертв уже в этой». В одинаково пламенном стиле он то пел возвышенные гимны

Творцу, то обожествлял предмет своих удовольствий.

Более великий государь, чем Август и Людовик XIV, он покровительствовал изящной словесности как человек, который занял бы в ней одно из первых мест, если бы самим своим происхождением не предназначен был править Италией; одна из ошибок истории – назвать по имени его сына эпоху, которая своим рождением обязана отцу.

Но счастливые для Микеланджело и для литературы дни быстро начали клониться к закату. Едва достигнув сорока четырех лет, Лоренцо сошел в могилу, пораженный смертельной болезнью: не нужно говорить, что он сумел умереть, как подобает великому человеку. Его сын, впоследствии ставший Львом X, получил кардинальский сан. Торжественность, с которой Флоренция отмечала это событие, искренняя радость жителей города, всплеск их любви составили последнюю сцену столь прекрасной жизни.

Лоренцо приказал перевезти себя на виллу Кареджи. Его друзья в слезах последовали за ним. В перерывах между приступами боли он шутил с ними. Наконец, 9 апреля 1492 года он отошел в мир иной, и после его смерти мировая культура, казалось, отступила на век назад.

Понятно, что при этом великодушном правителе Микеланджело научился всему, за исключением ремесла царедворца. Вероятно, напротив, видя, что его принимают наравне с первыми людьми эпохи, он рано укрепился в этой римской гордости, которая не склонит головы ни перед какой

низостью и которую он обессмертил тем, что сумел придать столь поразительную экспрессию «Пророкам» Сикстинской капеллы.

Дж. Вазари. Портрет Лоренцо Медичи. Ок. 1534 г. Галерея Уффици. Флоренция.

Микеланджело Буонарроти. Битва кентавров. Барельеф.
Ок. 1492 г. Дом Буонарроти. Флоренция.

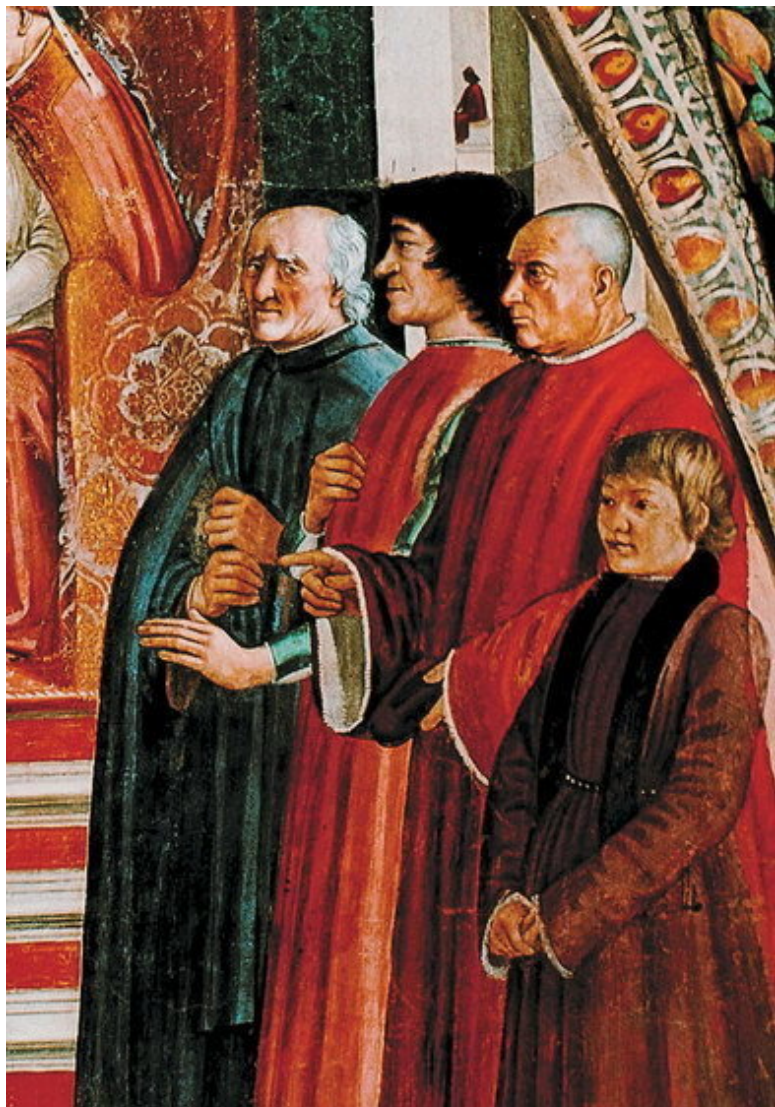
Д. Гирландайо. Благовестие Захарии. 1486–1490 гг. Фрагмент росписи капеллы Торнабуони в церкви Санта-Мария-Новелла, изображающий членов Платоновской академии Марсилио Фичино, Кристофоро Ландино, Анджело Полициано и Джентиле де Бекки.

Вилла Кареджи. Из серии «Виды вилл Медичи». 1599–1609 гг.

Д. Гирландайо. Утверждение устава францисканского ордена папой Гонорием III. 1482–1485 гг. Фрагмент росписи капеллы Сассетти в церкви Санта-Тринита, Флоренция. Портрет Полициано и его воспитанника Джулиано Медичи.

Д. Гирландайо. Утверждение устава францисканского ордена папой Гонорием III. 1482–1485 гг. Фрагмент росписи капеллы Сассетти в церкви Санта-Тринита, Флоренция. Семья Медичи – Козимо Старый, его сын Пьетро и внуки Лоренцо, прозванный Великолепным (в центре, с черными волосами), и маленький Джулиано.

Превратности монархии

Вместе с жизнью Лоренцо Великолепного пришли к концу и невероятно счастливые обстоятельства, в которых протекало образование Микеланджело; ему было 18 лет (1492 г.). Уже на следующий день он печально вернулся в дом к отцу, где горе мешало ему работать. Выпало много снега – редкое событие для Флоренции, и Пьетро Медичи, которому пришла фантазия сделать у себя во дворе колоссальную снежную статую, вспомнил о Микеланджело. Он вызвал его и, оставшись довольным его работой, приказал вернуть ему комнату и жалованье, которое тот получал при его отце.

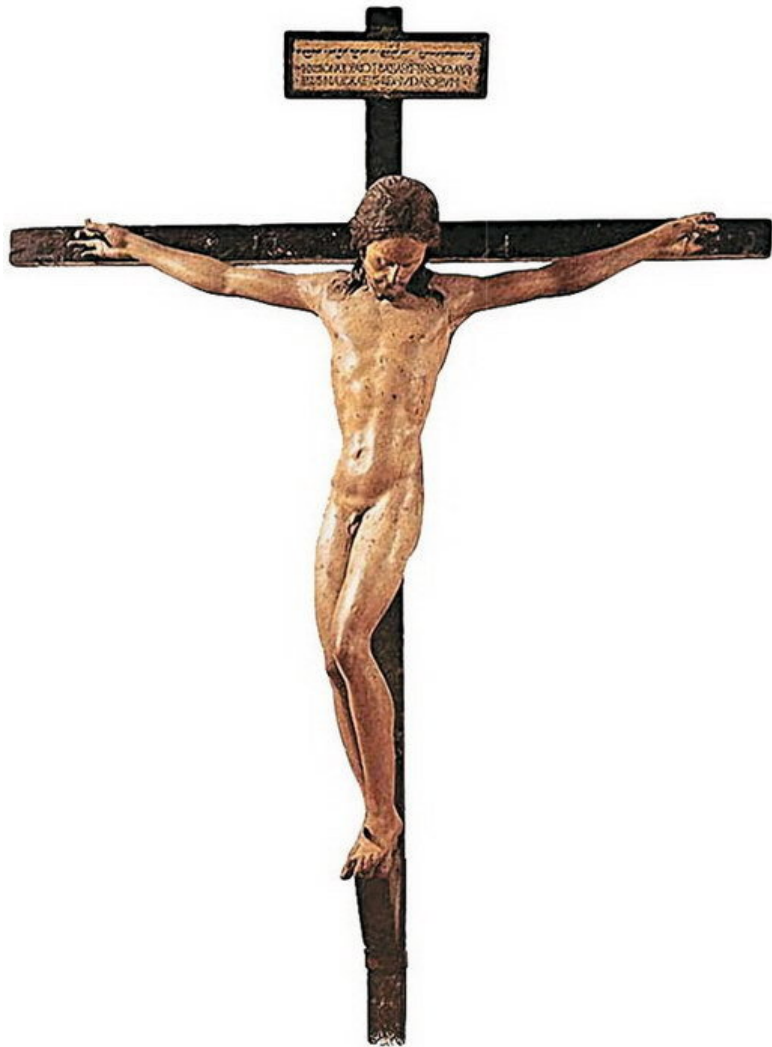
Старик Буонарроти, видя, что его сын пользуется вниманием самых влиятельных людей города, решил, будто скульптура не такое уж презренное занятие, и снабдил его более приличной одеждой.

Флоренция возмущалась глупостью нового правителя, который начал с того, что бросил в темницу врача своего отца. Что касается его отношений с учеными и художниками, то история рассказывает, будто Пьетро особенно поздравлял себя с тем, что имел при себе две исключительные личности: Микеланджело, в котором он видел великого скульптора, и скорохода-испанца, очень красивого и настолько быстрого, что, как бы сильно Пьетро ни пришпоривал своего коня, скороход всегда его обгонял.

Вернувшись во дворец, Микеланджело сделал деревянное распятие почти натуральной величины для настоятеля Санто-Спирито: монах оказался умным человеком и захотел покровительствовать молодому гению. Он выделил ему в своей обители потайную комнатку и велел доставлять ему трупы, благодаря чему Микеланджело мог предаться своей страсти к анатомии.

А. М. Перро. Вид реки Арно во Флоренции. 1837 г.

Микеланджело Буонарроти. Распятие. 1492 г. Церковь
Санто-Спирито. Флоренция.

Путешествие в Венецию и задержание в Болонье

Музыкант Лоренцо Медичи, некто по имени Кардьере, который очень хорошо импровизировал, аккомпанируя себе на лире, и который, пока великий человек был жив, каждый вечер приходил, чтобы спеть ему, однажды утром, совершенно бледный, явился к Микеланджело. Он рассказал, что накануне ночью ему привиделся Лоренцо в безобразном, изодранном черном одеянии и ужасным голосом велел сообщить Пьетро, что тот вскоре будет изгнан из Флоренции. Микеланджело уговорил друга подчиниться их благодетелю. Бедный Кардьере отправился на виллу Кареджи привести в исполнение повеление призрака. На полпути он встретил принца, возвращавшегося в город в окружении приближенных, и остановил его, чтобы передать это сообщение: можно только представить, как ему досталось за подобную новость.

Микеланджело, видя ожесточение Медичи, тут же уехал в Венецию. Подобное бегство кажется смешным в наши дни, когда политические изменения влияют лишь на судьбы правителей. Тогда во Флоренции все было иначе: там уже выучили максимум, что не возвращаются только мертвые; переходы от монархии к республике и от республики к монархии всегда сопровождались многочисленными убийствами.

Итальянский характер во всей его естественной гордости – более мрачный, более мстительный, более страстный, нежели сегодня, – легко отдавался мщению; когда же восстанавливалось спокойствие, новое правительство искало приверженцев, а не виновных.

В Венеции у Микеланджело быстро закончились деньги, тем более что он взял с собой двух приятелей, и ему пришлось через Болонью направиться обратно. Тогда в этом городе существовало полицейское распоряжение, обязывавшее всех иностранцев носить на ногте большого пальца печать из красного воска. Микеланджело, не знавший об этом, был доставлен к судье и приговорен к штрафу в 50 ливров, который он не мог оплатить. Один из Альдрованди – знатной семьи, в которой любовь к искусству передается по наследству, – присутствовал на суде; он способствовал освобождению Микеланджело и привел его к себе во дворец. Каждый вечер он просил его, обладающего прекрасным флорентийским произношением, читать вслух некоторые фрагменты из Петрарки, Боккаччо или Данте.

Прогуливаясь однажды, они вошли в церковь Св. Доминика. В алтаре или на усыпальнице работы Джованни Пизано и Никколо дель Урна не хватало двух мраморных фигурок: св. Петрония на вершине памятника и коленопреклоненного ангела с факелом.

Восхищаясь старинными скульпторами, Альдрованди спросил Микеланджело, чувствует ли он в себе достаточно

смелости, чтобы сделать эти статуи. «Конечно», – ответил молодой человек, и его друг велел поручить ему эту работу, за что тот получил тридцать дукатов.

Эти фигуры очень примечательны: они отчетливо показывают, что великий человек начал с самого внимательного подражания природе и сумел придать ей грацию и всевозможную *morbidezza*⁴.

Если впоследствии он сильно удалился от этой манеры, то это было сделано намеренно, чтобы достичь идеальной красоты. Его грозный и величественный стиль является плодом этого намерения, его страсти к анатомии и случая, позволившего ему создать на сводах Сикстинской капеллы в Риме произведение, которое, следуя понятиям того времени о божественности, требовало как раз такого стиля, что был заложен в его характере.

⁴ Изнеженность, хрупкость. – Прим. ред.

Микеланджело Буонарроти. Св. Петроний. Ок. 1494–1495 гг. Церковь Св. Доминика. Болонья.

А. Бронзино. Портрет Пьетро Медичи. 1490-е гг.

Микеланджело Буонарроти. Св. Прокл. Ок. 1494–1495 гг.
Церковь Св. Доминика. Болонья.

Микеланджело Буонарроти. Коленопреклоненный ангел.
1494–1495 гг. Церковь Св. Доминика. Болонья.

Хотел ли он подражать древним?

Пробыв в Болонье чуть больше года, Микеланджело, которому угрожал убийством один болонский скульптор, вернулся во Флоренцию. Медичи давно уже были оттуда изгнаны (вторично изгнанные в 1494 году, они вернутся во Флоренцию лишь в 1512-м – Варки, кн. 1), и начинало восстанавливаться спокойствие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.